

іншага імя ці апелятыва: *Васійко* — так называюць таго, хто такім чынам вымаўляе імя Васілько, *Валэдзік* — хто так вымаўляе імя Валодзік, *Фолька* — хто так вымаўляе імя Волька і інш.¹³ Думаецца, ёсць падставы бачыць менавіта такі шлях узнікнення прозвішчаў *Страўя*, *Лапуць* (ад мянушкі тых, хто так вымаўляў словы *страва*, *лапаць*).

Прозвішчы тыпу *Малуйла* маглі ўзнікнуць ад мянушак-пеератываў: *малы* → *малуйла*; *параўн. хам* → *хамуйла*.

Выказаныя тут меркаванні, безумоўна, не прэтэндуюць на канчатковае вырашэнне пастаўленай праблемы, а паказваюць на адзін з магчымых шляхоў узнікнення беларускіх прозвішчаў на ўласнай аснове.

¹ Гл.: Бірыла М. В., Ванагас А. П. Літоўскія элементы ў беларускай анамастыцы. — Мінск, 1968; Рымша В. П. Беларускія антрапанімы балтыйскага паходжання // Беларуская лінгвістыка. — Мінск, 1974. — Вып. 6.

² Гл.: Беларуская лінгвістыка. — Мінск, 1979. — Вып. 16; Беларуская лінгвістыка. — Мінск, 1984. — Вып. 25.

³ Гл.: Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. — Мінск, 1978. — Т. 1. — С. 290.

⁴ Гл.: Сцяцко П. У. Беларускае народнае словаўтварэнне: Афіксальныя назойнікі. — Мінск, 1977. — С. 37.

⁵ Там жа. — С. 37, 38.

⁶ Гл.: Беларуская лінгвістыка. — Вып. 16. — С. 40.

⁷ Гл.: Бірыла М. В. Беларускія антрапанімічныя назвы ў іх адносінах да антрапанімічных назваў іншых славянскіх моў. — Мінск, 1963. — С. 39.

⁸ Гл.: Беларуская граматыка. — Мінск, 1985. — Т. 1. — С. 233.

⁹ Там жа. — С. 226.

¹⁰ Гл.: Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 1. — С. 147.

¹¹ Гл.: Сцяцко П. У. Беларускае народнае словаўтварэнне. — С. 46—47.

¹² Там жа. — С. 42.

¹³ Гл.: Сцяцко П. У. Уласныя асабовыя імёны, іх варыянты і ўжыванне ў народнай мове // 3 жыцця роднага слова. — Мінск, 1968. — С. 109.

Н. И. МОРОЗ

О СПОСОБНОСТИ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ЛЕКСЕМ К РАСШИРЕНИЮ ОБЪЕМОВ ЯЗЫКОВЫХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ НА УРОВНЕ РЕЧИ

При межъязыковом сопоставлении лексики двух или нескольких близкородственных языков несомненна плодотворность полевого подхода, при котором возможно выявление лексико-семантических полей (ЛСП), находящихся между собой в отношении системной взаимосвязи. Представляется продуктивным обращение к ЛСП и на речевом уровне при анализе речевых новообразований, в данном случае окказиональных лексем.

Окказиональная лексема (ОЛ) представляет собой экспрессивную, эмоционально насыщенную единицу, благодаря чему коннотативный аспект содержания (КАС) превалирует в ней над денотативным аспектом содержания (ДАС).

Для формирования ЛСП окказиональной лексики необходимо определение денотативного аспекта содержания ОЛ, которое зависит от грамматической структуры самой единицы, ее лексической сочетаемости, коннотативного аспекта содержания, контекста. Без учета этих составляющих невозможно включение данной ОЛ в лексико-семантическое поле.

При исследовании такой лексики приемлем семасиологический подход (в отличие от семасиологического и ономасиологического подходов, свойственных исследованиям канонизированных лексических единиц), на котором и построено предлагаемое исследование, проводимое на материале поэтического языка избранных произведений А. Вознесенского¹ и перевода их на белорусский язык Г. Бородулиным².

Для формирования ЛСП «природа» (понятие взято как одно из ключевых в идиостиле А. Вознесенского) возникает необходимость в данных двух оппозиций, имеющих место при межъязыковом сопоставлении ОЛ: I. Наличие в ТПЯ (тексте переводного языка) эквивалента ОЛ ТИЯ (текста исходного языка)³. II. Отсутствие в ТПЯ эквивалента ОЛ единицам ТИЯ.

Данные оппозиции I позволили выявить определенные ОЛ, входящие в ЛСП «природа» в ТИЯ и ЛСП «природа» ТПЯ: а) идентичные ОЛ, образованные по одинаковым словообразовательным моделям в русском и белорусском языках: Великие памятники Природы! / Априори: / Екатерининские березы, / бракорегистрирующие рощи, / облморе, / и. о. лосося, / оса, желтая, как улочка Росси, / реставрируемые лоси. / Вялікія помнікі Прыроды: / Апрыоры: / Екацярынінскія бярозы, / Гаі, што гаяць шлюбам любых, / аблмора, / в. а. ласося, / аса, жоўтая, як вулка Росі, / у рэстаўрацыі лось і... («Ода дубу»). Сюда же входят ОЛ *спелинка* — *спелінка* («Муравей») и *пришпорено* — *пришпорана* («Васильки Шагала»); б) частеречное совпадение окказиональных лексем при отсутствии тождества словообразовательных моделей: Над *Беловежьем* звезды колоколили / И нету рифмы на ответный тост. / Но попросил он прочитает такое! / А я-то думал, что Бедуля прост. / Над *Белавежай* зоры талакою / Як на званіцы, білі звон у звон. / Ды запрасіў ён прачытаць такое! ... / Я ж пра Бядулю думаў — просты ён («Летающий мужик»). Окказионализм *Беловежье*, образованный по модели с суффиксом -j-, имеющим словообразовательное значение локализации места, может быть передан в белорусском языке достаточно точно, но в силу того, что Белая вежа для белорусов коннотатив, переводчик смог использовать другую словообразовательную модель для передачи того же смысла; в) частеречное несовпадение окказиональных лексем при отсутствии тождества их словообразовательных моделей в оригинале и переводе: *Свитезианские* восходы. / Поблескивает изречение: / «Двойник-дуб». Памятник природы / республиканского значенья. / *Свіцезіянства* — світае одум / Выслоўе мернецца знячэўна: / «Двайнік-дуб», помнік прыроды / рэспубліканскага значэння («Ода дубу»). Второй случай представлен параллелью *лиственно* — *лістападзіўся* («Ода дубу»).

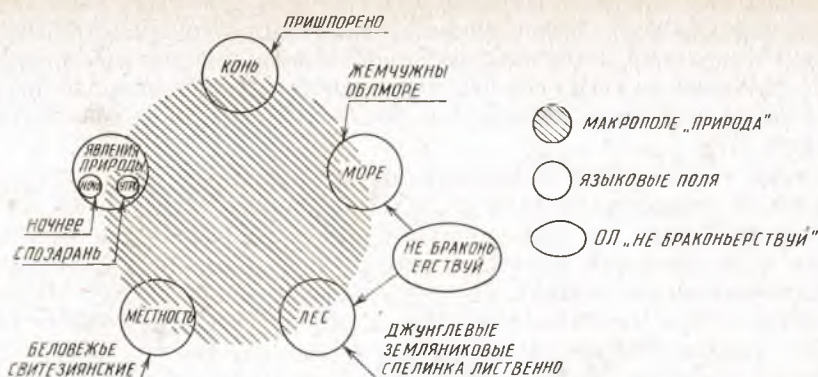
Окказиональное прилагательное *свитезианские* в оригинале лишь атрибутирует форму множественного числа существительного *восходы*, в то время как отвлеченное существительное *свіцезіянства* в переводе называет сложное явление, объясненное переводчиком в тексте. Второй случай (*лиственно* — *лістападзіўся*) свидетельствует еще о большем несовпадении поэтических новообразований в оригинале и переводе.

Оппозиция II (как было указано выше) позволяет судить об ОЛ, не получивших отображения в ТПЯ, при их наличии в тексте исходного языка. При анализе данной оппозиции была отмечена следующая ее особенность: только в одном случае в переводе не передается смысл ОЛ: Он умолял: «Скорее спрячемся, / где дождь случайней и *ночнее*, / И я плечам твоим напрягшимся / придам всемирное значенье!» / Маліў: «Пакуль галлё галёкае / Схаваемся, хай дождж значэе, / плячам напружаным, спалоханым / прыдам сусветнае значэнне! («Ода дубу»).

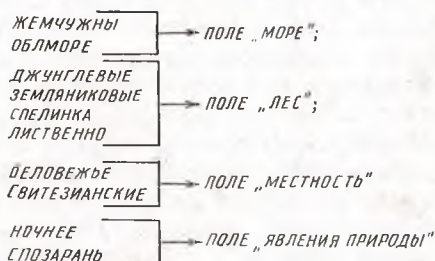
В остальных случаях переводчик передает смысл единицами КЛЯ белорусского языка, т. е. часть окказиональных лексем (жемчужны; джунглевые; земляниковые, не браконьерствуй) не представлена в переводе.

Таким образом, в ЛСП «природа» в текст исходного языка входят ОЛ, которые представляют оппозиции I+II: *Беловежье*, *джунглевые*, *жемчужны*, *земляниковые*, *лиственно*, *не браконьерствуй*, *ночнее*, *облморе*, *свитезианские*, *ночнее*, *спозарань*.

Взаимосвязи ОЛ, представляющих данное поле с языковыми полями в системе макрополя на уровне речи, представлены схемой I.

Как видно, в диапазоне лексико-семантического макрополя «природа» автором используется 5 языковых полей («конь», «море», «лес», «местность», «явления природы»), причем в поле «явления природы» входит два микрополя «ночь» и «утро»; ОЛ *пришпорено* расширяет языковое поле «конь»;

ОЛ *не браконьерствуй* расширяет границы полей «лес» и «море» и становится принадлежностью лексико-семантического макрополя «природа» опосредованно.

Итак, благодаря креативной функции языка, проявляющейся в речи, стало возможным построение на речевом уровне лексико-семантического макрополя с необычно расширенными границами за счет окказиональных лексем⁴.

Лексико-семантическое поле ТПЯ «природа» несколько сужено: в нем не получили отражения поле «з'явы прыроды», ОЛ, расширяющие поле «лес» — *лістападзіўся*, *спелінка*, «мора» — *аблмора* оказываются в меньшем количестве по сравнению с авторским ЛСП «природа».

Таким образом, в ЛСП «природа» входят следующие ОЛ: *аблмора*, *Белавежа*, *лістападзіўся*, *Свіцэзіянства*, *спелінка*, *прышпорана*, что представлено схемой II.

Итак, модель поля «природа» ТИЯ на одно авторское поле шире, чем ЛСП «природа» ТПЯ, больше оно и по количеству прилегающих ОЛ. Отсутствие некоторых ОЛ в переводе может быть объяснено нестандартной семантической и синтаксической валентностью данных речевых новообразований, что затрудняет их трансформацию в ТПЯ. Несмотря на это, в целом можно говорить о наличии двух, в принципе эквивалентных моделей речевых полей, построение которых стало возможным благодаря тому, что: 1) мысли, восприятия, эмоции... и язык организованы с помощью одних и тех же структур, которые содержат понятие частичного сходства⁵; 2) «лексика двух близкородственных языков относится к «единому лексико-семантическому типу»⁶; 3) вследствие того, что идиостили мастеров индивидуального словотворчества А. Вознесенского и Г. Бородулина имеют точки соприкосновения; 4) умению переводчика бережно относиться к особым средствам выражения переводимого.

Полученные при сопоставительном анализе данные, позволившие построить ЛСП ОЛ на ограниченном речевом материале, дают возможность постулировать всем речевым новообразованиям способность объединения в организованные, передаваемые при трансформации единства.

¹ Вознесенский А. Дубовый лист виолончельный: Избранные стихотворения и поэмы.— М., 1975; Вознесенский А. Витражных дел мастер: Стихи.— М., 1976.

² Барадулін Р. Небам адзіным.— Мінск, 1980.

³ Терминология нами взята из книги: Шаховский В. И. К проблеме трансляции коннотативных компонентов переводной единицы содержания текста оригинала: Тетради переводчика.— М., 1980.— Вып. 17.— С. 26.

⁴ В данной работе грация окказиональных и потенциальных лексем не предусмотрена.

⁵ См.: Лакофф Дж. Лингвистические гештальты: Новое в зарубежной лингвистике.— М., 1981.

⁶ См.: Щербин В. К. К проблеме лексико-семантической типологии русского и белорусского языков // Русский язык.— Минск, 1985.— Вып. 5.— С. 125; Басава А. І. Некаторыя асаблівасці стварэння складаных аказіянальных назоўнікаў у сучасным беларускім маўленні // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. Тезисы докл. республиканской конференции (26—28 мая 1982 г.).— Гродно, 1982.

Л. М. СЕРЕДА

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКИХ ГРУПП, СОЗДАЮЩИХ ЕГО ДИНАМИЧНОСТЬ

Интерес к выявлению функционального аспекта языковых явлений возник давно и определялся необходимостью изучения «языка в действии», распределения функций между элементами одного ранга и характеристики единиц, функционирующих в составе единств более высокого уровня. По определению А. Мартине, лингвистическое выражение отношений между взаимодействующими элементами и целым составляет сущность интегративной функции.¹ Таковой и является динамичность художественного текста.

В данном случае исследуются функциональные свойства вертикально ориентированных лексико-тематических групп (ЛТГ), понимаемых как денотатно-сигнификатные объединения слов текста для обозначения определенных объектов или явлений действительности и проявляющих категориально-семантическую и функциональную общность.

Динамику художественного текста, его акциональность создает изображаемая смена событий, пространственные перемещения, смена этапов восприятия. Характеризуя действия, движения, определенная упорядоченность словесного строя художественной речи создает в нашем сознании предметно-чувственные образы.